

читателей. Тем самым, термины, включенные в словарь без содержательного комментария, могут быть истолкованы либо как принадлежащие к слою терминов, стоящих над всеми современными течениями лингвистики, либо как относящиеся к традиционным дисциплинам, которые специально не выделяются, но их существование подразумевается, нередко благодаря разного рода косвенным данным комментирующей зоны: «Architektonik die é/= архитектоника (формальное членение текста на части, главы, абзацы, предложения и т.п.; термин Э. Ризель) architectonics». Во-вторых, традиционные термины представлены избирательно; они охватывают главным образом наиболее универсальные лингвистические понятия и не отражают разнообразный набор частных дисциплин исторического, стилистического, риторического, функционально-грамматического, диалектологического профиля. Традиционная тематика могла бы быть отражена в словаре более широко и открыто, тем более что в ее недрах происходят существенные изменения, в результате которых терминологическая база постоянно пополняется новыми понятиями, ср.: natürliche Morphologie, Diasystem, Komprimierung, Entpersönlichung и т.д.

Следует отметить, что переводы немецких лингвистических терминов на русский язык дают в словаре множество примеров очень удачных переводческих решений, найденных составителями словаря. В перспективе они могут получить нормативный статус. Однако среди переводов встречаются и не вполне точные и неполные транслаты или явные буквализмы. Например, термин *Spracherwerb* может обозначать не только "овладение

языком", но "овладение родным языком или любым первым"; термин *Ausgleichssprache* обозначает не столько "наддиалектный вариант", сколько "язык выравнивания" (как одна из стадий процесса унификации территориальных вариантов языка); *Sprachpflege* передается как "забота о языке", хотя в данном случае для переводческих целей подошел бы и перевод "культура речи".

Встречающиеся в словаре неточности имеют эпизодический характер и вполне допустимы для справочного труда такого большого масштаба. Бесспорное преимущество словаря заключается в возможности максимально учесть потребности самого широкого круга людей, заинтересованных в разного рода лингвистической информации, обработанной с учетом современного этапа развития лингвистики как комплексной науки. Словарь, безусловно, способен выполнять много функций и решать широкие коммуникативные, просветительные и нормирующие задачи, среди которых не столь абстрактным кажется желание авторов попытаться с помощью словаря "сформировать определенный тип знаний" и "ввести их в модель мира адресата". (стр. 302).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. Abraham W. Terminologie zur neueren Linguistik. 2, völlig neu bearbeitete und erweiterte Aufl. Tübingen, 1988.
3. Адмони В.Г. Структурно-смысловое ядро предложения. В сб.: Члены предложения в языках различных типов. Л., 1971. С. 35.
4. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976. С. 36.

Н.С. Бабенко

Рожественская Т.В. Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV вв. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. 172 с.

Появление нового обобщающего исследования Т.В. Рожественской, доцента кафедры русского языка Санкт-Петербургского университета, хорошо известной в научном мире как неутомимый собиратель и вдумчивый интерпретатор древнерусской эпиграфики, важно уже хотя бы потому, что все выходившие до сих пор издания надписей осуществлялись историками, уделявшими весьма мало внимания лингвистичес-

кой стороне публикуемых текстов, нередко – как убедительно показал в недавней статье В.Л. Янин в [1] – в ущерб пониманию смысла самих надписей. Т.В. Рожественская не только вводит в научный оборот множество не публиковавшихся ранее граффити XI–XV вв., которые сохранились на стенах храмов Новгорода, Ладоги, Полоцка, Галича, и предлагает на основе палеографических, языковых, археолого-архитек-

их датировку и прочтение, но и анализирует всю совокупность древнерусских эпиграфических текстов, оценивая эти источники как памятники древнерусской письменности и языка и определяя их место в истории письменной культуры Руси.

Рассматривая надпись как тип текста, автор описывает основные языковые особенности, обуславливающие своеобразие древнерусских надписей по сравнению с болгарскими (например, в древнерусских поминальных надписях употребляется глагол *преставитися*, тогда как в болгарских – *почити* или *усънути*, для древнерусских обычен перфект *псалъ*, для болгарских – аорист *писахъ*). Отмечается варьирование языковых средств в надписях, связанных с богослужебной сферой. Представляется правомерным вывод о том, что надписи-графити являются особым типом текста в системе древнерусской письменности. Эпиграфические тексты могут быть, по словам исследовательницы, "рассыпаны" по всем ярусам жанров древнеславянской литературы (коль скоро мы принимаем весьма удачную, на наш взгляд, классификацию Н.И. Толстого [2]): среди них встречаются и цитаты из конфессионально-гимнографической литературы, и летописные известия, и бытовые сообщения, и фольклорные тексты. Вместе с тем нельзя не согласиться, что "надписи представляли собой более замкнутую структуру, чем берестяные грамоты" (с. 23).

Принципиально важно, по нашему мнению, положение о том, что "...предпринимаемые иногда поиски славянских докирилловских текстов, относящихся к IX в., а то и более раннему времени, кажутся лишенными исторической основы" (с. 32): по справедливому замечанию Т.В. Рождественской, "потребность в письменности как системе появляется тогда, когда стабилизируются признаки государства" (с. 32), – а потому не случайно отсутствие древнерусских текстов до X в. Вполне естественно, что, говоря о древнейших надписях, автор не обходит вниманием знаменитую Гнездовскую надпись, которая, как бы ни минимальна была ее лингвистическая информативность, остается самой ранней надписью, обнаруженной на территории России, и уже в силу этого не должна легкомысленно сбрасываться со счетов. Заметим лишь, что обе формы, избранные Т.В. Рождественской для передачи надписи – "гороухша" и "гороунша" (с. 29) – просто не могли существовать в X в. по причинам

фонетического порядка (невозможность консонантных сочетаний [хш] и [нш]). Думается, что данное слово может быть интерпретировано только как притяжательное прилагательное *Гороуны* [3] (новое, всесторонне аргументированное обращение к этому чтению см. в [4]) – форма, не требующая никаких особых историко-фонетических или графических допущений; с содержательной стороны такое толкование дополнительно подтверждается вновь найденными аналогичными владельческими надписями на предметах: *Настокине, Фенищине, Недѣлкеине, Попова, Матфѣева* [5, с. 113–117, 271].

Интересные наблюдения и выводы представлены в том разделе работы, который посвящен одноеровым написаниям типа *мецьницъ*, встречающимся в текстах до начала XII в. Констатируя, что подобные написания были распространены не только в Киеве, но и в Новгороде, который, по видимому, имел непосредственные книжные контакты с Восточной Болгарией, Т.В. Рождественская заключает, что "...древнеболгарская кириллическая графика на раннем этапе распространения письменности на Руси, в частности в Новгороде, служила образцом еще до официального принятия христианства" (с. 44).

Центральное место в рецензируемой книге занимает вторая глава, содержащая тексты надписей, обнаруженных главным образом автором, и комментарии к ним. Всего в монографии приведено 86 граффити, что – даже с учетом более ранней публикации некоторых из них в труднодоступных, чаще всего дореволюционных изданиях – существенно пополняет источниковедческую базу истории русского языка. Воспроизведение текста надписей сопровождается тщательно выполненными прорисовками, позволяющими судить об аутентичности предлагаемых транскрипций.

В свете активизации "новгородоведческих" исследований, инициированных находками берестяных грамот и их адекватной лингвистической интерпретацией (в трудах А.А. Зализняка), особый интерес представляет эпиграфический материал новгородских храмов, тем более что значительное количество публикуемых текстов относится ко второй половине XII и XIII в. – т.е. к важнейшему этапу в истории древнерусского языка, связанному с падением редуцированных. Отражение этого процесса наблюдается уже в надписи I

этого процесса наблюдается уже в надписи 1 (XII/XIII вв.): *грѣшены* (vs. *погребѣныи*), где *е*, вероятно, стоит на месте сильного [ь], а конечное *ы* обязано своим возникновением нередкому смешению *ы* и *ѣ* (см. [6, с. 110]); к сожалению, это последнее положение, необходимое для объяснения рефлексации редуцированного, в книге опущено.

Важное значение имеют новые примеры древненовгородской флексии им. пад. ед. числа **о*-склонения *-е*: *Созоне* (надпись 3)¹, *Созонте* (4), *Иване* (13), *писале* (50), *Якимя* (с отражением псковского *яканья*), *Еване* (68), *Саве, шле, биле* (69). Особенно информативна надпись 8 (XII в.): *Моисей ѿ поповце* (с. 63), содержащая древнейший (хронологически предшествующий формам *Колбинць* и *Нездильце* [6, с. 133]) пример *-е* после [ц], возникшего по III палатализации, причем в слове *поповьць* (а не "поповиць", как предлагает Т.В. Рождественская), не засвидетельствованном историческими словарями, но обнаруженном нами также в "Летописи Авраамки" (*поповечь* 266) [7, с. 152]. Все эти примеры, наряду с пятью формами *князе* [6, с. 133], показывают, что мягкость конечного согласного основы не препятствовала в древненовгородском диалекте использованию окончания *-е* (подробнее см. [7]). Попутно заметим, что при разборе *-е*-форм (с. 100) автор допускает неверное цитирование уже приведенных выше надписей: *Василе писале* вместо реального *писале Васильи* (надпись 50), *Гопилече писале* вместо *Гопилече писало* (38).

Весьма знаменателен, на наш взгляд, вывод Т.В. Рождественской о вариативности флексий *-уь* / *-ови* у личных имен в дат. пад. ед. числа "...флексия *-ови* / *-еви* чаще оформляет канонические имена, являясь морфологической приметой церковнославянской традиции" (с. 140). Думается, это положение свидетельствует о том, что дополнительное распределение указанных окончаний, иногда ассоциируемое с т.н. "категорией лица" [8], в действительности являлось искусственной инновацией книжного языка ("семиотизацией формальных различий" [9]) и не было характерно для живой речи, которая вначале беспорядочно смешивала их, а затем, поговорам, закрепила различные варианты в качестве господствующих вне

зависимости от семантики (русск. *Михаилу, волку, дому* – но укр. *Павлові, вовкові, гаєві*).

Поистине филигранный анализ провела Т.В. Рождественская при исследовании надписи 86 из Галича (20-е гг. XIII в.), отчасти уже публиковавшейся, но не получившей удовлетворительного истолкования. Наиболее загадочная фраза этой надписи гласит: *искали ляха въ плотеники и не нашли бы кладеное далъ* (с. 128). Установив, что надпись в целом представляет собой деловой документ (с упоминанием князя и "послухов"), автор проникательно сопоставила указанную фразу с конструкцией *рути в + вин. пад.* "подвергнуть конфискации имущества за чью-либо вину" [6, с. 168–174] и предложила следующую интерпретацию: "Предъявляли иск ляху (может быть, Ляху – имя собственное? – К.В.) за плотников, чтобы он отдал (их) долг, но не уличили его (ляха) в этом"; небесспорно здесь, как мы полагаем, значение "уличили": по-видимому, *найти* в данном случае синонимично *доискаться*, ср. в Псковской судной грамоте: *не доискался* "не выиграл дела" [10].

Исследовательница уделила внимание и другим надписям, уже служившим объектами дискуссий. Наиболее любопытна, по нашему мнению, надпись на стене Владимирского придела Софийского собора в Киеве, которая рассматривалась С.А. Высоцким [11], В.В. Колесовым [12] и (как оказалось, одновременно с Т.В. Рождественской) В.Л. Яниным и А.А. Зализняком [1, с. 25–26], но лишь после обращения к ней автора рецензируемой монографии получила достаточно удовлетворительную интерпретацию. В книге предлагается следующее чтение и перевод: *мати не хотѣчи дѣтича бѣжа гет / гѣ же не хотѣ человека бѣдами кажет / уомъ истоупивъ своего чиноу въсѣмъ грѣхомъ обычъ боудеть аминь* "Мать, (даже) не желая, дитя наставляет, господь же, (даже) не желая, человека бедами наказывает. Ум, вышедший за свои границы (нарушивший свой порядок), станет причиной всех прегрешений. Аминь" (с. 144, 146). Поддерживая весьма удачное прочтение формы *бѣжа гет* как *бѣжаеть* (с обозначением йота через *г*) – т.е. 3-го л. ед. числа наст. времени от неизвестного доселе лексикографам глагола III класса *бѣжати*, родственного *бѣдити*, считаем возможной более "решительную" трактовку его

¹ Далее в скобках указываются номера надписей.

семантики – “наказывает” (ср. *бѣдити* “мучить” [13]). Не вполне убедительно толкование прилагательного *объчь* с помощью существительного “причина”; более вероятными представляются такие эпитеты, как “подверженный”, “склонный” (по мнению А.А. Зализняка – “приобщен” [1, с. 26]). Т.В. Рождественской удалось определить источник обоих процитированных изречений – древнерусский переводный сборник “Разумы сложения Варнавы неподобного”, изданный В.А. Семеновым по списку XIV/XV вв. (с. 148)². Этот перевод был осуществлен, как полагает исследовательница, в середине XI в., причем, возможно, непосредственно в Киеве. Основными аргументами в пользу данных предположений являются датировка надписи второй половиной XI в. и изобилие в ней восточнославянских форм (*хотѣчи*, *дѣтича*, *бѣжѣет*, *объчь*). Однако если отсутствие редуцированных на конце словоформ *бѣжѣет* и *кажет* вполне согласуется с новейшими представлениями о последовательности и хронологии падения редуцированных, начавшегося в конечных слогах не позднее XI в. [5, с. 265, 270], если передача [je] через *ge* тоже находит параллели в письменности XI в. (с. 143), то регулярное использование восточнославянских рефлексов йотовых сочетаний в тексте явно церковно-учительного характера весьма необычно для столь раннего периода и наводит на еретическую мысль о том, что церковнославянский в XI в. не был единственным языком древнерусской (киевской) книжности. Коль скоро рассматриваемая надпись (как и сам перевод “Разумов Варнавы”) действительно относится к XI в., то не исключено, что неканонические памятники, подобные сборникам изречений, могли переводиться на язык, более близкий к обиходной речи киевлян, нежели канонические тексты. С другой стороны, нельзя отрицать и возможность перевода с церковнославянского на древнерусский, произведенного самим автором надписи; такое истолкование явилось бы аргументом в пользу характеристики языковой ситуации Киевской Руси как двуязычия. Однако

сколько-нибудь далеко идущие выводы, касающиеся разбираемой надписи, следовало бы, вероятно, отложить до того времени, когда мы будем располагать ее фотографией. Пока что, к сожалению, при отсутствии хотя бы даже прориси единственным источником для суждений о языке надписи остается для нас транскрипция Т.В. Рождественской, которая демонстрирует дезориентирующую вариативность прежде всего в отражении редуцированных: *объчь* и *объчь*, *въсѣмъ* и *въсѣмъ* (с. 144, 146).

Тонкость и глубина палеографического и семантического анализа надписей, свидетельствующие о высокой филологической квалификации автора, к сожалению, не всегда предохраняют от малоудачных грамматических пассажей. Иначе как невнимательностью трудно объяснить некоторые парадоксальные утверждения относительно палатализаций (с. 133, 136, 140). Едва ли оправданно соединение в одном описании (под рубрикой “взаимозаменяемость букв *ъ*, *ь*, *о*, *е*” – с. 137–138) таких разнородных явлений, как графическое смешение в парах *ъ/о*, *ь/е* (*моно*го, *съгрѣшихо*, *Акимо*, *конязь*, *провѣди* и др.), использование флексии *-о* (а не *-ъ*) в именах на *-ил-* в южнорусских надписях (*Гавѣрило*, *Манеило*, см. [7, с. 122–125]) и, наконец, употребление древне-новгородского окончания *-е* (*Радѣке*, *Еване*). Вызывает сомнения и попытка объяснить написание *Кононо*, *Давыдо*, *Акимо*, помимо влияния системы “бытового” письма (что, видимо, справедливо), еще и графическим воздействием греческих имен на *-ος*. Не говоря уже о том, что греческие эквиваленты указанных имен как раз и не имели флексии *-ος* (*Κόνων*, *Δαυίδ*, *Ἰωακείμ*), такое объяснение представляется в принципе крайне искусственным в силу наличия многочисленных примеров с *-о* на месте *-ъ* не только в эпиграфике, но и в берестяных грамотах и не только в им. пад., но и чуть ли не в любой форме. Никакого отношения к новгородскому окончанию *-е* не имеют контаминированные надписи Софии Киевской (*Димитрие*се, *Оноуфри*се – с. 138), по-видимому, механически соединяющие греческие формы на *-ιος* (*Δημήτριος*) с их общеславянскими субститутами на *-ии* (*Онуфрии*) и южнославянским по происхождению вариантом *-ие* (*Димитрие*).

² Четкая параллель ко второму изречению, обнаруженная Т.В. Рождественской в “Разумах Варнавы”: *оумъ състоупивъ съ свое(г)о чиноу на всѣ грѣхы готовъ* *Нсть* (с. 148), – позволяет с уверенностью предпочесть чтение *оумъ* (с обратным порядком элементов диграфа, ср. [6, с. 98–100]) варианту *хромъ* [1, с. 25–26].

Итак, основной заслугой автора рецензируемой монографии следует признать введение в научный оборот и интерпретацию большого числа древних надписей, что значительно обогащает наши представления о древнерусской лексике, морфологии, синтаксисе. Находки Т.В. Рождественской, наряду с изысканиями археологов и историков, убедительно показывают, что в истории русской письменности существовал дорукописный период (с. 151), засвидетельствованный эпиграфическими памятниками X в. Весьма важен вывод, согласно которому древнерусские писцы, опираясь на кирилло-мефодиевские традиции, не слепо копировали древнеболгарские образцы, а старались приспособить кирилловскую графику к особенностям собственной речи (с. 152). Более развернутого обоснования требует, на наш взгляд, предположение о западнославянско-древненовгородских связях в области письменной традиции (с. 152).

Наблюдения Т.В. Рождественской позволили выявить палеографические особенности эпиграфического письма, сказывавшиеся, в частности, «в некотором хронологическом "запаздывании" определенных начертаний, в архаизации письма» (с. 152–153), — что, очевидно, имеет значение для датировки отдельных, кажущихся архаичными, надписей.

Исследование петербургского автора открывает новые перспективы для изучения устного воплощения церковнославянских текстов, характера их цитирования и вариативности. Тот факт, что «норма эпиграфического текста была менее жесткой, чем норма текста книжного» (с. 153), обуславливает существенную роль надписей для реконструкции живой древнерусской речи.

В заключение хотелось бы указать на настоятельную необходимость нового издания книги, которое включало бы максимальное количество текстов, снабженных фотографиями, и имело бы не просто филологическую, но более четкую лингвистическую направленность — в частности, располагало бы таким же солидным справочным аппаратом, как последние издания берестя-

ных грамот. В качестве совсем уж максималистского пожелания отметим, что сейчас, когда корпус обнаруженных и вновь прочитанных древнерусских надписей значительно возрос, на повестку дня встает составление их полного свода. Думается, что обобщение и корректная лингвистическая интерпретация всей древнерусской эпиграфики вполне по силам нашим специалистам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Янин В.Л. Эпиграфические заметки // ВЯ. 1992. № 2.
2. Толстой Н.И. Древнеславянский литературный язык в XII–XIV вв. (его функции и специфика) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989.
3. Якобсон Р. ГОРОУНА КЪРЧАГА // Сборник в намет на проф. С. Стойков. Езиковецки изследвания. София, 1974.
4. Трубаев О.Н. В поисках единства. М., 1992. С. 168–176.
5. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
6. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
7. Крысько В.Б. Общеславянские и древненовгородские формы Nom. sg. masc. *o-склонения // Rling. 1993. V. 17. N 3.
8. Марков В.М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974. С. 23.
9. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Budapest, 1988. С. 259.
10. Потебня А.А. К истории звуков русского языка. IV. Варшава, 1883. С. 26.
11. Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976. С. 33.
12. Колесов В.В. [Рецензия] // ВЯ. 1978. № 1. — Рец. на кн.: Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976. С. 150–151.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 87–88.

В.Б. Крысько